

Диана
ЯРУК

Горячий
лёд

ИЗМЕНА

Диана Ярук

Измена. Горячий лед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69619618

SelfPub; 2023

Аннотация

Я давно выплакала свои слёзы. Сначала – когда родила сына. Потом – когда ему поставили неизлечимый диагноз. Я не плакала, чтобы мой мальчик стал почти таким же нормальным, как другие дети. Чтобы построить собственный бизнес. Играть роль идеальной жены. Не могу заплакать и сейчас, когда меня предал самый близкий человек. Но когда в мою жизнь врывается Никита «Лис» Лисовский, звезда хоккейной команды, он грозит расшатать все стены, что я возвела вокруг себя. Что победит в смертельном матче? Холодный рассудок или горячее сердце?

Содержание

Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	52
Глава 11	57
Глава 12	62
Глава 13	67
Глава 14	72
Глава 15	77
Глава 16	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Диана Ярук

Измена. Горячий лед

– Машенька, дочка, ты поаккуратнее со своими вещами. Вдруг мальчик бы туда залез? – Свекровь протягивает мне бумажный пакет, и я машинально заглядываю внутрь. Какие-то кружевные трусы, презерватив и тюбик помады без крышечки. Во рту вдруг появляется неприятный кислый привкус.

– Уверена, что твой муж действительно был на прошлой неделе в Уфе, а не кувыркался в постели с любовницей? – Вика не привыкла щадить чьи-то чувства. Даже мои.

– Знаешь Маринку? Не суть, короче, она стажирруется в гостинице и, кажется, видела, как твой Андрей обжимался с какой-то девчонкой.

– В Уфе?

– У нас, в *Москве*, дорогая, – подруга делает драматичную паузу, – даже фото есть.

Нажав на «отбой», пытаюсь вернуться мыслями к работе. Да какая ещё гостиница в Москве?! Я сама собрала Андрею чемодан и отвезла его на Павелецкий вокзал.

«А он точно сел на «Аэроэкспресс» до Домодедова?» – звучит в моей голове Викин голос.

Через пару минут я вижу от неё «пересланное сообщение»: мужчина целует женщину у двери гостиничного номера, но фото снято с такого расстояния и ракурса, что лиц разглядеть невозможно. Тоже мне, улика!

И вообще, у нас с мужем всё отлично! Недавно я ездила в однодневную командировку, а он неожиданно встретил меня на вокзале с букетом фрезий. Отменил ради этого давно запланированную встречу с друзьями в спортбаре! Сказал, что соскучился. Вот такой романтик.

Это еще и при том, что мы с Андреем руководим совместным бизнесом и почти всегда друг у друга на виду. Попробуй заведи любовницу в такой обстановке!

Вечером, по дороге домой, я вспоминаю нежные фрезии, протягиваю руку и глажу пальцы Андрея на его подлокотнике.

– Машунь, будь другом, сгоняй завтра на химчистку салона, а то мне некогда. – Муж хочет подороже продать свой двухлетний Эскалейд и взять новый джип.

– Конечно, зайчик. А мы ведь ни разу не опробовали машину в деле. Ну, этом самом, – с намёком двигаю бровями.

– Слышала поверье, что в авто нельзя заниматься такими вещами, обидится? – хмыкает муж, не отрывая взгляда от дороги.

Вздыхаю. Кровать, видимо, тоже может обидеться. До дома едем молча.

– И мне жаль, что не встретились сегодня, но ведь скоро мы с тобой будем вместе на острове! – Андрей щёлкает замком и выходит из ванны, держа телефон в руках. Увидев меня, возмущённо закатывает глаза.

– Ох уж эти поздние рабочие звонки! – жалуется он. Улёгшись в кровать, бросает трубку на тумбочку, щёлкает пультом и шарит по спортивным каналам.

Я поправляю корзину с бельём на боку и не понимаю, чем меня зацепила услышанная фраза. Наконец, вспомнив, куда шла, прохожу в гардеробную и принимаюсь раскладывать выстиранную и выглаженную одежду по полкам.

Завтра муж улетает на Бали, где он главный спикер по криптовалютам на международной конференции. Я знаю, что у него блестящая речь, – не зря ведь мы её столько правили и переписывали.

Утром провожу его в порт, потом отвезу машину на химчистку, дальше – в офис, а послезавтра возвращаются в Москву свёкры с нашим сыном.

Парень в автосервисе демонстрирует проделанные работы.

– Кстати, вот и вещички ваши нашли, – подмигнув, протягивает мне вместе с ключами от машины бумажный пакет.

– Спасибо, передам мужу, – закидываю свёрток на пассажирское сиденье.

Перед сном рассматриваю фото Андрея с конференции на его страничке. Он стоит на сцене и вдохновенно о чём-то рассказывает, бурно жестикулируя. На большом экране – слайд с инфографикой, который делала я. Горжусь тем, какая мы с ним отличная команда! Все эти четырнадцать лет.

Где-то я читала, что в браке блистает один из супругов, а другой остаётся в его тени. Андрей любит внимание, купается в восхищении людей. Мне же, наоборот, не по себе среди толпы незнакомцев. Поэтому за представительскую часть работы в фирме отвечает он, а я погружена в техническую и финансовую области.

Утром я снова в порту, жду, пока выйдут пассажиры рейса из Карловых Вар.

Борис-младший идёт рядом с бабушкой, за ними Борис-старший катит чемоданы. Половину лета они провели в Чехии у лечебных источников. После инфаркта позапрошлой зимой мы боялись пускать свёкра на самолёт, но кардиолог всё же дал добро.

Наклонившись, целую сына в щеку. Он вдруг обнимает меня в ответ, и я замираю. Боря не очень тактильный мальчик и такое проявление любви для меня просто бесценно.

Садясь в наш джип, свёкор перекидывает пакет из химчистки на заднее сиденье и пристёгивается с еле слышным кряхтением.

– Всё хорошо, папа?

– Отлично, Маша! – бодро отвечает он. – Тяжеловато за-

лезать в этот грузовик, понимаешь.

Всю дорогу до своего дома родители Андрея делятся впечатлениями об отдыхе, с особой гордостью рассказывая, как внук подружился с другими детьми.

Войдя в квартиру, Боря бежит к себе в комнату, не вымыв руки, а когда я подрываюсь за ним, меня останавливает све-кровь, протягивая злополучный пакет из машины.

Глава 2

«А я предупреждала насчёт Андрея!»

«Ты же обработала руки после того, как трогала ЭТО?»

Девочки присылают сообщения в наш чатик одновременно. Конечно, обработала. Вымыла дважды, сфотографировав содержимое пакета, разложенное на кафельном полу в ванной у свекрови. У меня так тряслись руки, что я еле запихала всё назад.

Я сижу в Эскалейде мужа и время от времени с опаской погладываю на бумажный свёрток, как будто оттуда вот-вот вылезет скорпион.

Значит, «машина может обидеться», Андрей?

«Я ведь не накручиваю себя, правда?» – вижу, что подружки сразу начинают печатать.

«Это доказательство измены в двести процентов! Плюс ещё фото из гостиницы!» – Вика.

«Я бы переспросила у него на всякий случай, но даже представить не могу, зачем Андрею специально запихивать чужие трусы под сиденье. Прости, Маш, это залёт. А что за фото?» – Света.

На экране снова появляется снимок от Викиной знакомой. Разглядываю внимательнее, пытаюсь уловить детали, незамеченные в первый раз. Рубашка такого бутылочного оттенка есть в гардеробе у Андрея, я сама заказывала её на

Фарфетче.

«Тебе нужны более весомые доказательства, – пишет Света. – если планируешь что-то предпринимать».

«Какие именно?»

«Подумай сама, кто у нас гений-технарь, в конце-концов? Записи с видеокамер? Отчёты из банка? Геолокация?»

«Девочки, как-то неприятно об этом думать. Гадко следить за мужем, я ведь всегда ему доверяла».

«Владелица трусов размера XXL смеётся над тобой, дорогая»!

И вовсе они не такие огромные. Обычный размер, может, чуть больше, чем у меня.

Закрываю наш чат и еду на работу.

Вот только мысли всё время возвращаются к противной находке. Допустим, улику Андрею подкинули, но зачем? Не улети он на Бали, то автомобиль на химчистку повёз бы сам, и я этот пакет никогда бы не увидела. А может, машину брал кто-то другой? Друзья, например. Впрочем, попытка оправдания не очень успешная. Андрей – жуткий собственник и редко с кем-то делится любимыми игрушками. Даже со мной – только по большой необходимости.

Открываю его страничку и разглядываю фото из Уфы, опубликованное в тот же день, когда был сделан снимок в гостинице.

Тут Андрей сидит за столом переговоров, собранный и деловой. Перед ним раскрытая папка с документами. Обычный

конференц-зал с большим столом, чёрные офисные кресла с высокими спинками. Ничего не указывает на то, что фото было сделано в Уфе, в Москве, или где-нибудь в Калуге.

Плюнув на работу, вылетаю из кабинета. Не могу ни о чём думать, мне надо найти ту самую рубашку и если он не отправил её в стирку, то должен сохраниться запах чужих ду-хов!

Прилетев домой, несколько раз нажимаю на свой этаж в лифте и переминаюсь с ноги на ногу, наблюдая, как сменяются на табло цифры. Влетаю в гардеробную. Рубашка висит на месте, но уже выстиранная и выглаженная...

Я мечусь по спальне, заламывая руки. Пока в голову не приходит ещё одна, куда более безумная, чем запах на рубашке, идея.

Выскочив из подъезда, несусь в каморку видеонаблюдения в паркинге.

– Ребятки, помогите, потеряла бриллиантовые серёжки, надо посмотреть запись из лифта, я в них вернулась или нет?! – на ходу придумываю легенду. Операторы делают сочувственный вид, качают головами и уточняют дату.

Мысленно представляю календарь и вытаскиваю оттуда день, когда ездила в командировку в Тулу две недели назад.

– Двадцать шестое июня!

Парни стучат по клавиатуре, щёлкают мышками и включают ускоренное проигрывание. На экранах проносятся сотни лиц, пока я не прошу остановиться и повторить послед-

ние пятнадцать секунд. Медленно.

Примерно в два часа дня в лифт входят, держась за руки, Андрей и женщина, которую я очень хорошо знаю. Быстрая перемотка до семи вечера: вот они снова в лифте и целуются весь спуск до паркинга.

– Спасибо, мальчики, – пересохшим ртом произношу я.

– С концами потеряли, значит, Марья Николаевна? – вполне искренне сочувствуют мне операторы.

Я едва нахожу силы кивнуть и с трудом доползаю до квартиры.

Семь лет назад, нанимая няню, я не ожидала, что однажды она займёт моё место в постели.

Тру лоб. Как же так, мы ведь всей семьёй были так привязаны к Жене! Сколько раз я в шутку называла её «второй мамой» своего сына?!

С самого рождения Боря очень плохо спал, плохо ел, много кричал. Я помню из его раннего детства только это, остальное, слава богу, психика скрыла из воспоминаний. Ещё помню, что однажды вечером, совершенно измученная недосыпом и тревогой, я подошла к Андрею, вручила ему сына и отправилась, как мне казалось, в душ. Муж выловил меня у открытого окна на подоконнике, готовую шагнуть на улицу с десятого этажа.

Вот так у нас и появилась Женя.

Она оставалась с Борей, пока я ходила к психиатру. Замешивала ему смесь, когда мне выписали антидепрессанты и

запретили кормить грудью. Играла с ним, пока я проваливалась в тяжёлые сны без сновидений.

Но по гроб жизни я ей обязана не только за это.

Именно она обратила внимание на странности в поведении Бори-младшего и настояла на обследовании. А все вокруг твердили: «обычный ребёнок, просто немного замкнутый», «мальчики развиваются медленнее», «ну и что, что не смотрит в глаза, значит, не хочет». Благодаря ей мы бросились на поиски лучших неврологов и психологов, которые в полтора года поставили сыну диагноз – расстройство аутистического спектра. «Очень вовремя, – хвалили нас специалисты, – чем раньше начнёте реабилитацию, тем больше вероятность вытянуть мальчика до нормотипичности».

И вытянули ведь! Не сразу и не вдруг, но он стал почти таким же, как другие дети. Иной вопрос – ценой каких усилий, каких денег и каких нервов.

Почему, Женя? Как ты могла?

И Андрей?

В тот вечер, когда я так радовалась нежным фрезиям, ты приехал прямиком от неё.

Глава 3

– Не делай глупости, не приезжай за этим изменщиком в аэропорт! – голос Вики из динамиков раздаётся на всю машину, и сидящий в соседнем авто водитель с любопытством поворачивается ко мне. Я закрываю окно.

– Просто хочу проверить свою догадку, – рассказываю об услышанной перед отъездом Андрея фразе.

– Если он ещё и в командировки на острова с собой её берёт, то за это его кастрировать мало!

Оставив машину на парковке, прохожу в здание аэропорта. Рейс с Бали вот-вот должен приземлиться и если я встану у выхода из зала прилёта, то точно не пропущу мужа.

Так и есть. Андрей идёт со своим маленьким чемоданом по проходу. Один. Я уже начинаю ругать себя за излишнюю суету, но тут его догоняет Женя, не глядя запихивая паспорт в сумку.

Они так заняты друг другом, что даже не замечают стоящую у стены меня.

Когда муж входит в квартиру, я как раз вытаскиваю к двери чемодан с его вещами.

– О, Машунь, привет! Ты чего не на работе? Куда собралась?

– Я была в аэропорту, Андрей. Когда вы вышли из зала прилёта. Вот твои вещи, пожалуйста, уходи.

Андрей непонимающе смотрит на огромный чемодан.

– Да что случилось? Что за муха тебя укусила? Зачем тебе надо было ездить в аэропорт? Ты видела Женю? Ну да, она тоже, как выяснилось, была на Бали, но мы встретились только в самолёте, когда летели домой.

Он спокойно отодвигает с дороги чемодан, садится на мягкий пуф и принимается разуваться.

– Где Борис? Ты забрала его от родителей? Я соскучился по сыну.

Мне противно от этой лжи. А ещё противнее, что он говорит совершенно убедительно. Если бы я не видела всего своими глазами, то подумала бы, что схожу с ума!

– Я всё про вас с ней знаю. Не понимаю только, почему она? – Я пытаюсь сформулировать мысль и начинаю ходить по холлу. – Ты же знаешь, как я её люблю... Любила... Она ведь мне как родной человек!

Андрей спокойно встаёт и проходит мыть руки.

– Я не понимаю, что ты себе там напридумывала! – перекрикивает он шум воды, – это твоя вечная паранойя! Может, снова к психиатру?

Это просто удар под дых.

Я достаю телефон и листаю галерею.

– Вот, смотри, что нашли в твоём джипе! Ольга Дмитриевна подумала, что это моё!

Андрей разглядывает фото и пожимает плечами.

– Мама права. Это твои вещи, Маша. Я видел это бельё

на тебе много раз. Не сходи с ума.

У меня глаза на лоб лезут от этой наглости. Много раз я видела, как Андрей вёл жёсткие переговоры, но он никогда не применял ко мне своих игр с разумом. Или применял?

– Андрей! Я вижу, что ты делаешь! Я не чокнутая! У меня есть и другие доказательства! Зачем ты так со мной поступаешь? Почему?

Муж проходит в спальню и начинает раздеваться. Расстегнув часы, кладёт их в выдвижной ящик с отсеками для аксессуаров. Туда же отправляется свёрнутый ремень. Он снимает с себя футболку, слаксы и носки и швыряет под ноги – именно так, как я ненавижу. Глянув мне в глаза, перешагивает через кучу и, порывшись в шкафу, надевает забытые мной домашние треники.

– Ты специально выводишь меня из себя, – я сдерживаю вырывающуюся из меня ярость. – Хочешь показать, что я истеричная дура, так?

– Там нечему выходить, Машунь, – Андрей проходит на кухню и наливает себе в стакан ледяной воды. – Ты давно уже отмороженная пустышка. Одна оболочка. В тебе нет ничего живого. Ты просто ходячая функция.

Выпив воду одним махом, он ставит стакан в раковину и обводит меня рукой.

– Я смотрю на тебя и вижу только калькулятор на ножках. Ты робот-пылесос, а не человек. Когда ты в последний раз вела себя, как настоящая баба? Вот смотри, я специаль-

но оскорбляю тебя, и что? Другая бы уже давно разревелась, но не ты.

– Андрей, я... – Хватаю себя за горло и пытаюсь сглотнуть появившийся ком. Я часто моргаю, чувствуя, как подкатывают слёзы, но... Глаза остаются сухими.

– Видишь, о чём я? – спокойно продолжает муж. – Мне нужна настоящая женщина. Такая, с которой тепло, с которой я буду чувствовать, что я её зажигаю, поняла? Твоя полная противоположность!

– Я... Мне... – вспоминаю про собранный чемодан. – Андрей, уходи, пожалуйста. Я не могу больше тебя видеть.

Он досадливо морщится и достаёт банку с молотым кофе из холодильника.

– Я никуда не уйду. Не хочешь жить со мной – можешь выметаться сама.

Стою на месте, наблюдая, как Андрей спокойно включает кофемашину. Заполняет отсек ароматной смесью арабики с робустой, потом заливает фильтрованную воду, подставляет чашку и нажимает на кнопку.

– Говорю же, робот. Сбой программы, Машунь?

Я снова моргаю, ожидая, когда хлынут слёзы, но их всё так же нет. В ушах гудит. Или это рокот кофемашины? Зажимаю уши и выхожу из кухни.

– Миш, мы с Борей сегодня к тебе переедем, – сидя на полу гардеробной, я разглядываю сваленную Андреем кучу одежды.

– Не вопрос, Машка, это и твоя квартира! А что случилось-то? С мужем поссорилась, что ли? – Голос брата периодически срывается. В трубке слышно завывание ветра и потрескивание.

– Ухожу от него, Миша.

– Что он натворил? Скажи Андрею, что я приеду и наваляю по первое число! Может, друзей попросить? Они от меня вломят, как следует!

– Ничего не надо, я сама разберусь. Просто поживу пока у тебя. И машину возьму, хорошо?

– Да конечно! Бери что хочешь! Ты чего, плачешь, что ли?

– Если бы, Миш! – снова прислушиваюсь к своим ощущениям. Морщу лицо, но слёз так и нет.

Глава 4

Втаскиваю чемоданы на третий этаж. Дом семидесятых годов постройки, лифта нет.

Вхожу и замираю, как всегда, на несколько секунд, чтобы привыкнуть к присущему этой квартире запаху. Пахнет старым деревом, пылью и бабушкиными духами. Я не знаю, как назывался этот аромат. И бабушку тоже никогда не знала.

Решаю, что займу её комнату, а Борю размещу в спальне деда. Надеюсь, что после развода и раздела имущества я получу половину своей доли в нашей с Андреем квартире и смогу приобрести нам с сыном подходящее жильё. А пока мы здесь, Миша, мой старший брат, может ночевать в кабинете на диване, всё равно он бывает в Москве лишь наездами.

Что бы он не говорил о моём праве на эту квартиру, именно Миша её законный владелец. Любимый и единственный внук академика Морозова, выпускник Горного университета, геофизик и геологоразведчик, последний бородатый романтик, живущий в палатке по семь месяцев в году.

Когда мы с Мишей впервые встретились после десяти лет разлуки, он уже был владельцем собственного жилья. Широким жестом брат пригласил меня, первокурсницу мехмата, пожить здесь на время учёбы. После душной атмосферы маминой двушки обитание в четырёхкомнатных хоромах с вы-

соченными потолками под боком у панкующего брата-анархиста казалась мне олицетворением свободы. Я так боялась, что вот-вот Миша прозреет, поймёт какая я на самом деле, и выгонит назад к маме! Весь первый месяц тут всё свободное время я пыталась доказывать свою полезность – отдраила старый фаянсовый унитаз, чугунную ванну, вычистила пригоревшие сковородки и отбитые чашки, перестирала вытертые парчовые чехлы для мебели и посеревший от времени тюль, едва не свалившись с пирамиды из стульев при этом. Я стирала в старом бабушкином «полуавтомате» и Мишины вещи тоже, пока он однажды не обнаружил это и не возмутился.

– Ты моя сестра, а не служанка какая-то. Я и сам свои носкаинчики постирать могу. Или Лелька вон. – Его тогдашнюю девушку звали Оля и она часто оставалась ночевать.

Привычно протираю пол влажной тряпкой. Прохожусь полиролью по всем поверхностям, где собралась пыль. Я бываю тут раз в две недели: поливаю одинокий Мишин фикус и проверяю, не потекли ли где трубы.

Рассохшийся паркет жалобно скрипит под ногами, когда я вношу свои вещи в бабушкину комнату. Старый шифоньер вишнёвого дерева взвизгивает петлями, словно недовольный тем, что я вдруг снова вздумала поселиться здесь. Раньше на плечиках висели бабушкины платья и строгие костюмы из тонкой шерсти. Я хотела оставить себе её театральное пальто из мягкого драпа цвета пепельной розы, но бабушка была

выше и шире меня, так что пальто повисло на мне, как на нелепом манекене. Её сумочки и украшения сразу после похорон выгребла папина жена, так что я могла только по фото восхищаться вышитыми ридикюлями, гобеленовыми клатчами и брошками в виде цветов.

Бабушка была знаменитой модницей! Дед всегда баловал её, привозил красивые вещи из зарубежных поездок, заказывал в комиссионках, а потом, после падения железного занавеса, они уже вместе путешествовали по Европе и тратили суточные в бутиках.

Потом я перебираюсь в спальню деда.

– Ты подумала, как Боря отреагирует на ещё одну смену обстановки?! – спрашивал меня Андрей, пока я складывала вещи сына, пытаюсь понять, без чего он не сможет обойтись на непривычном для него месте.

Обязательно нужно взять одеяло с рисунками из «Звёздных войн». Его подушку-обнимашку. Ночник в виде Звезды смерти. Пижаму с малышом Йодой. Тапочки, тяжеленную энциклопедию по вселенной Лукаса, коллекцию игрушек со смешными большими головами, которую нужно разложить на прикроватной тумбочке в строгом порядке.

Я застилаю дедушкину кровать мягкой простыней с космическими мотивами, расправляя её так, чтобы не осталось ни одной морщинки. Слегка пшикаю в воздух лавандовым спреем, в надежде, что Боря почует знакомый аромат и будет испытывать меньше стресса.

Включая холодильник и выбираюсь в ближайший магазин за обязательным набором продуктов. Я знаю его наизусть. Четверная упаковка клубничного йогурта. Пятипроцентный творог. Нежирная сметана. Бородинский хлеб. Соусы «молочные». Куриная грудка. Твёрдый сыр. Яблоки. Огурцы. Стебли сельдерея.

Это все продукты, которые ест мой сын. Изюм дня в день. Вот уже шесть лет из своих восьми.

Взяв ключи, спускаюсь. Сюда ещё не добралась реновация и в дальнем углу заросшего дубами, берёзами и елями двора стоят гаражи с навесными замками. Мишин – крайний справа, когда-то зелёный, а теперь, скорее, ржаво-бурый. Отперев дверь, я завожу с пульта его машину. Её я тоже приезжаю проверять два раза в месяц летом и раз в неделю – зимой.

– Давай, скажи родителям, что ты от меня ушла. И не забудь объяснить, почему! – Подначивал Андрей, когда я упаковывала в несессер свою косметику и духи. – Отец же как раз недавно пришёл в себя от инфаркта! И маму тоже обрадуй! Ей ведь не помешает новая тревога после ухода за папой.

Еду на Ходынку, прикидывая, как помягче сообщить свёкрам о том, что мы с Борей переедем к моему брату. И они точно спросят о причине! Известие о связи Андрея с Женей разобьёт их сердца.

– Машенька! – Когда Ольга Дмитриевна открывает дверь, я понимаю, что чудесный запах домашнего пирога исходит

именно отсюда. – Вчера в магазин спускалась за хлебом, а там женщина с рук дачную вишню продавала! Я сразу о тебе подумала! А почему Андрюша сам за Борей не приехал? Он прилетел со своей конференции?

Глава 5

Сын воспринял временный переезд в новую квартиру на удивление спокойно. Может быть потому, что мы уже бывали с ним здесь вдвоём, плюс, приходили к брату, когда он приезжал в перерывах между экспедициями.

Сидим на кухне. Её да ванную с туалетом Миша переоборудовал лет пять назад, устав от попыток воткнуть современную технику в планировку пятидесятилетнего дома.

Боря ест отварную куриную грудку с нарезанным дольками огурцом и большой ломоть хлеба. На мою попытку подложить ложечку картофельного пюре он привычно отрезает «нет».

Хорошо. Я просто попыталась. Пью чай с вишнёвым пирогом, к которому сын тоже абсолютно равнодушен. Све-кровь упаковала мне его с собой, сетуя на сына.

– Машенька, ну а вдруг это всё временно? Побесится, да бросит её?! Ну ты посмотри, какова змея! Пригтели мы её на груди! – Волнуется Ольга Дмитриевна. Не в силах удержать в покое руки, она то принимается складывать по-разному кухонное полотенце, то двигает чашку на столе.

Я воспользовалась тем, что свёкор в зале, смотрит с внуком в миллионный раз «Легенду номер семнадцать» и, вцепившись в её пальцы, требую сохранять всё в тайне от Бориса-старшего.

– Ольга Дмитриевна, пожалуйста, вы лучше меня понимаете, как это для него опасно!

Мама Андрея похлопывает меня по ладони, потом смахивает слезу и качает головой.

– Господи, в кого он такой вырос? Мы же с Борей душа в душу почти сорок лет! Это она, это Евгения! Змея подколотная! Ты уверена, дочка? Уверена в своём решении? Нет, не будем Боре ничего говорить. Скажу, что мальчику оттуда ближе в школу, хорошо? А там, глядишь, и Андрей одумается, вот увидишь, ещё прибежит к тебе!

Вишнёвый пирог – это моё лекарство. Кисло-сладкая начинка смешивается на языке с тающим воздушным тестом и взрывается во рту сладко-горькими воспоминаниями.

Пятнадцатилетняя я сижу в той же самой кухне у Ольги Дмитриевны и стесняюсь своих нескладных рук и ног, которые невозможно никуда деть. Мне подают треугольник пирога на тарелке. Я отделяю кусочек вилкой, кладу в рот и замираю. Потом, напугав саму себя, вдруг начинаю рыдать, а Ольга Дмитриевна прижимает мою голову к своей груди, гладит по волосам и приговаривает: «Ну что ты, что ты, что ты!»

А сейчас глаза все так же сухи.

– Что будешь делать? – спрашиваю у сына, когда он, доев ужин, вытирает рот салфеткой.

– Хоккей смотреть.

– Так сейчас же не сезон?

– Повтор включу.

С момента постановки диагноза Боря прожил несколько стадий, развиваясь скачкообразно: от кабачка, неспособного сделать указательный жест и поддерживать контакт глаза в глаза до трёхлетки – всё ещё в подгузниках, зато резво декламирующей алфавит на русском и английском, и до восьмилетки – самостоятельно освоившей шахматы, музыкальную грамоту и двоичный код.

Можно было бы принять сына за гения, но потом мы поняли, что ему не даются обычные для нас вещи: использовать воображение, например. Когда в первом классе учительница попросила рассказать о домашнем животном, – или придумать его, если нет; сын сложил руки и отказался выполнять задание. Игры со сверстниками ему тоже почти не даются – нужно предполагать то, чего нет, а это он совершенно не умеет. Я не знаю, как он будет писать сочинения и эссе. Может быть, освоит чат GPT, на это вся надежда.

Сильная фиксация на каких-то вещах меня тоже часто пугает. Когда Боря после просмотра «Легенды номер семнадцать» в свои четыре года вдруг вознамерился стать хоккеистом, мы со свекровью были категорически против. При его повышенной чувствительности к звукам и ощущениям, необходимость надевать многослойное снаряжение и выход на шумную арену могла привести к непредсказуемым результатам. Да и возможные на льду травмы – вдруг они спровоцируют откат в развитии?! Такое часто случается у аути-

стов.

Пока однажды три года назад папа Андрея не привёл его тайком к набору в группу по хоккею. Благо дом свёкров расположен почти у самой арены. У Бори случился гиперфокус – он погрузился в состояние хоккеиста, «режим Халка», как это назвал Андрей. На льду сын стал просто идеальным учеником: досконально выполнял все команды, следовал за тренером, как привязанный и не успокаивался почти до истерик, пока упражнение не давалось ему со стопроцентной точностью.

Нам с Ольгой Дмитриевной пришлось смириться. Бросить хоккей теперь мы не сможем до тех пор, пока этого не захочет сам Боря. А делать этого он, похоже, не собирался. Что ж, зато болеть ОРВИ почти перестал, пытались успокоить себя мы.

Вымыв посуду, я сажусь рядом с сыном на старый дедушкин диван с золочеными вензелями. Боря уже нашёл среди платных Мишиных подписок спортивный канал и включил повтор полуфинала «Кубка Гагарина». Обычно он смотрит матчи вместе с Андреем или дедом, но теперь и мне придётся приобщаться к играм.

– Сейчас «Лису» сломают плечо, и команда не сможет выйти в финал, – говорит мне Боря.

Не знаю, что за «Лис» такой и мне ещё меньше нравится хоккей.

На льду куча мала. Я даже не понимаю сразу, где шайба.

– Закончилось штрафное время, и Никита Лисовский возвращается на лёд, – подсказывает мне комментатор. – Не теряя ни секунды, он бросается на помощь своей команде, снова играющей полным составом. Номер пять, Резамов, передаёт шайбу Лисовскому. Лисовский делает обманный манёвр, передаёт её игроку под номером двадцать четыре. Посмотрите, какая борьба развернулась возле ворот! Номер девять, Лисовский, выскакивает слева, двадцать четвёртый отвоёвывает шайбу у противника и передаёт Лисовскому! Сейчас будет го... Нет! Грубая игра! Правый полузащитник команды противника, номер шестьдесят шесть, Гатауллин таранит Лисовского прямо на ворота! Свисток судьи! Что с номером девять? Гатауллин ведёт себя вызывающе. Сейчас будет назначен штраф. Пять минут?! Это не всё. Судейская коллегия посмотрит повтор и вынесет решение о санкциях к игроку и команде. Что с Лисовским? Почему он не может встать? Товарищи помогают ему покинуть игровое поле.

– Сейчас будет ничья, и они проиграют в добавочном времени, – сообщает мне Боря. – А Гатауллина дисквалифицировали на полгода.

– Ты всё так же хочешь стать профессиональным хоккеистом?

Сын кивает, а у меня перед глазами снова появляется скрюченная фигура Лисовского.

Глава 6

Отсидевшись несколько дней на удалёнке, понимаю, что дальше это продолжаться не может. Пора перестать прятаться и выходить на работу.

Когда мы снимали огромный новый офис, то перед началом ремонта решили, что он должен быть поделён на две зоны. Разрабы, тестировщики, аналитики данных, безопасники – с моей стороны. Маркетологи, продажники – со стороны Андрея. Мы словно две армии, готовые напасть друг на друга под предводительством своих главарей в стеклянных аквариумах по диагонали друг от друга. Моя ватага имеет слегка безумный, вечно взъерошенный вид, миньоны Андрея же одеты с иголочки и стильно подстрижены.

Войдя в свой прозрачный кабинет, я первым делом звоню к юристу компании с просьбой проштудировать устав и узнать, можно ли как-то вышвырнуть Андрея без ущерба для нашей фирмы?

– Уже отвечал вашему супругу, Мария Николаевна. Инвесторы подписывали договор под личные гарантии и с обязательным участием вас обоих. Единственный вариант, когда кто-то покидает компанию без ущерба – это форс-мажор.

– Смерть, что ли?

– Инвалидизация, потеря памяти в результате несчастного случая, похищение с целью выкупа, похищение с целью

убийства.

– То есть, мы вынуждены продолжать работать вместе? А если разведёмся?

– Увы.

Я тихонько рычу на трубку после окончания звонка.

Всё время до обеда в аквариуме Андрея пусто, и я уже даже слегка расслабилась и решила сходить в кафетерий на пятом этаже, когда вдруг вижу, как он входит в офис. Не один.

Улыбаясь и сияя, за руку с моим пока ещё мужем входит... Женя. Она сменила гардероб и вместо привычных джинсов на ней яркое летнее платье и туфли на каблуках.

Не желая сталкиваться с ними, я разворачиваюсь и мчусь обратно в свою стеклянную коробку. Поздно. Сладкая парочка уже заметила меня и, шепнув что-то Андрею на ухо, Женя направляется ко мне.

Пытаюсь сделать вид, что очень занята и не замечаю ничего вокруг своего ноутбука, когда она слегка стучит коготками по стеклу. Не дождавшись ответа, Женя открывает дверь и входит.

– Маша!

Я отрываю взгляд от монитора и смотрю на неё.

– Привет, Маш! – Женя стоит пару секунд у двери, но повертев головой и заметив, как вытягиваются уши членов моей банды над компами, проходит и садится в кресло перед столом.

– Андрей сказал, что вам придётся работать вместе, пока

кто-то из вас не умрёт. — Она нервно хихикает и разглаживает платье на коленях. — Нам с тобой нужно поговорить.

Опершись локтями на стол, я складываю руки в замок и поднимаю бровь.

— Маш, я не хотела у тебя мужа уводить, честно. Не в моих правилах. Да и ты мне как подруга была. Когда Боря вырос, и вы перестали во мне нуждаться, я с ним, как с сыном прощалась. А когда два года назад Серёжу машина сбила, ты же одна из первых приехала. Как бы я мужа без вашей с Андреем помощи хоронила, не представляю. — Женя по-новому раскладывает оборки и молчит. Молчу и я.

— Ну скажи, что я сволочь и мразь, а? — Она впервые смотрит мне в глаза.

— Ты сама знаешь.

— Маш, ну зачем он тебе? Ты же действительно холодная какая-то. Небось, и не любишь его уже, а? Я бы у такого в ногах валялась, чтобы не бросал. А ты что? Встала и пошла.

— Когда вы начали... встречаться?

Женя смотрит в сторону и закусывает губу. Потом, встрепенувшись, поворачивается и глядит мне в глаза.

— Серёжки уже год не было. Однажды ночью я проснулась и мне стало ужасно, ужасно одиноко. Так сильно захотелось, чтобы вот прямо сейчас, вот сию минуту меня кто-то сжал в руках, обнял крепко-крепко! И чтобы не обычный, с пухом, волосатый, неухоженный, а буквально как с картинки! Андрея вдруг вспомнила. Это было в пятницу. Он ведь по

пятницам с друзьями ходит в спортбар, болеть за своих, так?

Женя немного барабанит ногтями по подлокотнику. Теперь у неё длинные алые когти.

– Быстро собралась, поехала. Конечно, Андрей был там. Уже навеселе слегка. Обрадовался мне. Он-то подумал, что это совпадение такое. Позвал за стол, выпили. Потом меня на такси поехал провожать. Еле-еле его под утро к тебе выгнала.

– Спасибо, что рассказала, Жень. Довольно, – я закрываю глаза.

– Ты же его не ценила, Маша! – сложив руки на груди, она наклоняет голову. – Зациклилась на Боре и ничего вокруг не видела! А знаешь что? Я давно уже замечала, но тебе не хотела говорить. Я почти уверена, что Боря от тебя свой диагноз унаследовал! Посмотри на себя, какая ты всегда зажатая, у тебя всё по порядку, по правилам! Ты действительно как робот!

– Я сейчас пойду и расскажу Андрею, что ты подстроила вашу встречу.

– Он знает! В ту же ночь я ему рассказала, а он хохотал, как сумасшедший! Сказал, что ты бы никогда на такую спонтанность не решилась!

Женя поднимается на ноги.

– Хотела, чтобы ты меня поняла по-женски, но не судьба тебе, Маш. Упустила мужика своего ты навсегда. И знаешь, что ещё? – Она гладит свой живот под складками шёлка. – Я ему нового ребёночка рожу. Нормального, а не такого же

робота как вы с Борей!

Я с трудом сглатываю.

– Ты беременна?

– Возможно! – Женя загадочно поднимает одну бровь, и, ухмыльнувшись, уходит.

Трясущимися руками я вытаскиваю свой телефон и залезаю на госуслуги. Чёрт, кто писал это кривое приложение...

Снова морщусь, потом снимаю очки и принимаюсь тереть глаза. И добиваюсь только жжения в веках. Слез так и нет.

Глава 7

Сегодня ответственный день. Финал чемпионата России по спортивной гимнастике и по результатам будет понятно, кто поедет на соревнования в Европу.

Я иду по бревну, выполняя свою программу. Спина ровная, подбородок вперёд, шаг, ещё, первая связка, переворот, сальто! Чисто! Дружный вздох на трибунах. Дерево слегка поскрипывает под руками, обсыпанными тальком. Два сальто назад. Чёрт, небольшая помарка. Таак, не торопись. «Ласточка» – делаю присяд, вытянув прямую левую ногу вперёд. Фуух, это было несложно. Развернувшись боком, двигаюсь с заученными танцевальными движениями. Не забыть улыбнуться... Боковой выпад с двойным поворотом. Тренер зовёт, пора закругляться. Двойной винт назад и соскок. Уже в полёте на маты я понимаю, что допустила ошибку. Приземляюсь на одну ногу, вторая уходит вбок. С трибун слышен громкий стон. Я пытаюсь подняться, но ноги разъезжаются.

Просыпаюсь вся в поту. Мне давно не снились соревнования.

Родители развелись, когда мне было семь, а Мише – двенадцать. Это был грязный развод, со скандалами, криками, битьём посуды и взаимными оскорблениями. Отец, наконец, «понял» что все вокруг были правы и ему не стоило жениться на маме, «женщине из другого круга и других интересов».

На суде Миша уже мог выбирать, с кем из родителей ему оставаться жить, и он выбрал папу. Мне повезло гораздо меньше.

Мама решила, что обязана во что бы то ни стало доказать отцу, что нам и без него живётся прекрасно. Даже лучше – нужно заставить его сожалеть об уходе! И свёкор со свекровью, которые так и не приняли её в семью – тоже должны пожалеть.

Мои занятия спортивной гимнастикой, начатые «ради гибкости и здоровья» стали маминым способом достичь реванша перед всеми обидчиками. Она уже видела себя матерью чемпионки. Маниакально клеивала в альбом все вырезки обо мне из газет и сетевых изданий. Одна из стен в зале превратилась в алтарь моих спортивных достижений. Мои медали, кубки и грамоты, – всё это скрупулёзно собиралось и выставлялось на тот момент, когда подлец бывший муж и негодяи свёкры однажды узнают, как упустили возможность приобщиться ко всемирной славе родной внучки. Славе, достигнутой благодаря неустанному труду и поддержке моей матери.

В школе я была одной из худших учениц в классе. Из-за постоянных спортивных сборов, поездок на соревнования и тренировок, учебную программу я безнадёжно упускала. Тренер проверяла, делаю ли я домашние задания, и я старательно прикидывалась, что делаю, порой совершенно не понимая, что написано в книгах.

Пока однажды, выполняя в последний момент добавленный в показательную программу элемент, я не допустила крошечную ошибку, которая стоила мне сломанного бедра.

Когда я очнулась после операции с подвешенной на растяжке ногой, мама уже была рядом. Голова болела от перенесённого наркоза, во рту было сухо так, что еле шевелился язык, глаза жгло.

– Мама?! – я протянула к ней руки, надеясь на сочувствие. Хотя бы сейчас.

– Ты специально так сделала, – мама поджала губы. – Ты специально ошиблась, дрянь! Неизвестно, сможешь ли ты после этого выступать! Сколько усилий! Сколько усилий ко-ту под хвост! – Она подошла поближе и замахнулась. Я зажмурилась, но нас прервала вошедшая медсестра. Мама сделала шаг назад и закивала. – Продолжим этот разговор, когда вернёшься домой.

Восстановление было долгим. Ко мне стали ходить школьные педагоги, чтобы не запускать учёбу. Вместо директрисы, которая преподавала нам алгебру и геометрию, и которой я боялась до колик в животе, ко мне пришла другая математичка, Ольга Дмитриевна Железнова.

Вскоре она поняла, что я не знаю элементарных вещей в её предмете и начала приносить учебники за пятый, шестой, седьмой классы, терпеливо объясняя всю программу заново. К моменту выписки из больницы я влюбилась, – в математику. Ты всегда можешь найти точный ответ на любую задачу

– главное, отыскать к ней ключик, правильное решение. Поиски ключика захватывали меня настолько, что Ольга Дмитриевна приносила уже и другие задачки, из внешкольной программы: загадки Перельмана, толстенные книжки издательства «Знание», старые университетские учебники, по которым училась она сама. Я занимался по ним все свободное время, все равно, лежа на растяжке делать было нечего.

Чем ближе подходил момент моей выписки из больницы, тем больше меня тревожило расставание с Ольгой Дмитриевной. В школе я снова вернусь на уроки к директрисе, которая откровенно презирала меня за погружённость в спорт, открыто называя «бестолочью». Дома тоже ничего хорошего – продолжение нашего с мамой «разговора», о котором я не забывала ни на минуту; тяжёлая адаптация в школе в новом статусе спортсменки, карьера которой закончилась, толком даже не начавшись...

– А приходи-ка ты к нам домой в эту субботу, – предложила Ольга Дмитриевна на последнем нашем уроке в больничной палате. – Будем с тобой заниматься высшей математикой. Я сейчас сына к поступлению на мехмат готовлю. Будете вместе учиться.

– Ольга Дмитриевна, мама не сможет за репетиторство вам... платить, – я прячу глаза. Мама и так работает в двух местах. Нам везде приходится ужиматься, и только на мои спортивные купальники она не жалела денег.

– Не переживай, Машенька. Денег не нужно. Наоборот,

ты у меня будешь как стимул для сына. Он увидит, как девочка младше его всего за полгода школьную программу по математике освоила, глядишь, и лениться меньше будет. Его Андрюша зовут.

Глава 8

– Машка, ты почему до сих пор не резанула каре? – спрашивает меня Вика после наших бурных приветствий и объятий. Моя лучшая подруга вернулась из Германии, где занималась автоматизацией бизнес-процессов на крупнейшем электрическом концерне.

– Каре? – я прикасаюсь к своим локонам до плеч.

– Так все женщины делают, когда отмечают крутые жизненные повороты! – Она смеётся и дёргает меня за волосы. – Ну ладно, так и быть, уступлю тебе запись у Никифоровой в эту субботу!

– Это которая «колорирование – колерование всем на любовование»? – Кажется, все знают назойливый слоган.

– Да! Пойдём к ней вместе, чтобы ты вдруг «заднюю» не включила. О, и знаешь что?! У неё подают шампанское! Для праздничного настроения! Приезжай без машины!

Оставив Борю у свёкров – туда вскоре должен подъехать Андрей, я на такси добираюсь до шикарного салона красоты на Мясницкой.

– Вот её будем стричь и красить! – с порога кричит уже ожидающая меня Вика сидящей на барном стуле статной блондинке.

– Ничего экстремального, пожалуйста! – поднимая ладони вверх и улыбаясь, прошу я. – Просто подкоротить кончи-

ки и можно сделать обесцвеченные прядки в волосах.

– Шампанского?! – спрашивает у меня Вика, поднимая из ведёрка со льдом бутылку.

– Только капельку, – отвечаю я.

– Всем по капельке, – кивает подруга, разливая в высокие бокалы шипучку.

На следующий день я просыпаюсь с жутким похмельем. С трудом поднявшись, ползу в ванную.

– Что за?! – не могу сдержать вопль ужаса, увидев себя в зеркале.

– Мама, там Бамблби! – сын кричит с заднего сиденья так неожиданно, что я дёргаю руль и едва не врезаюсь в стоящую на парковке «Весту».

– Господи, Боря, ты меня напугал!

– Мама, там Бамблби! Из «Трансформеров»! – глянув в зеркало, я смотрю, куда сын показывает пальцем и поворачиваю голову. На ВИП стоянку как раз заезжает ярко-жёлтый Шевроле Камаро. Кто-то явно хочет больше внимания.

Выходя из машины, я мысленно закатываю глаза. Кто бы говорил о любви к вниманию! Миша долго охотился именно за оранжевым Субару XV, который мы с Борей у него сейчас заимствуем. Я поглубже натягиваю капюшон толстовки на глаза – новый образ сильно меня нервирует. Да и сентябрь в этом году как-то быстро похолодал, что мне вполне на руку.

Вот уже третью неделю я сама вожу Бору на ледовую аре-

ну. Андрей инициативы не проявил, а когда я спросила, то так взбрыкнул, что проще было махнуть на него и впихнуть в расписание ещё один важный пункт. С тех пор, как сын три года назад поступил в ДЮСШ при самом большом хоккейном клубе страны, обязанность водить сына на тренировки была на Андрее, а на мне были все остальные занятия. Иногда, когда тренировки выпадали на выходные, они вдвоём сразу шли к свёкрам домой, я тоже подъезжала туда и мы устраивали большие семейные обеды.

Сын ловко надевает на себя всю хоккейную амуницию и подставляет мне голову, чтобы я защёлкнула на нём ремешок большого шлема с защитной решёткой для лица. Я пытаюсь, но тугие кнопки никогда не даются мне с первого раза.

– Сейчас, сейчас, – пыхчу я, прижимая к себе Борину голову и сын начинает протестовать.

– Я тебе помогу, Боря. – К нам подскакивает девушка в голубой флиске и протягивает мне ладонь. – Анастасия, мама Платона.

– Мария, мама Бориса, – это так они тут знакомятся? Пожимаю руку в ответ.

Анастасия быстро щёлкает застёжками.

– Ты скоро научишься, не переживай, – она ободряюще мне улыбается.

По свистку тренера дети собираются у выхода на раскаточную арену в длинную шеренгу, переваливаясь, как утята.

– Всё, пошли за кофе, – зовёт меня новая знакомая, пока-

зывая куда-то в сторону.

Мы стоим в очереди к маленькой стойке среди таких же заспанных родителей. На настенном экране видно, как дети выскакивают через низенькую калитку на лёд и строятся в шеренгу перед тренером. А я даже не знала, что тут можно разжиться кофе и две недели мёрзла, сидя на трибуне.

Заказываю себе ореховый латте, Настя – капучино с пушистой пенкой.

– Слушай, я, наверное, не в своё дело лезу, но где Андрей? – спрашивает меня девушка, едва мы занимаем столик в углу.

– Он эээ... больше не может. Теперь я вожу Борю.

– Развелись, что ли? – Настя глядит мне в глаза поверх своей чашки. – Да ты не парься, вы точно не первые! – Повертев головой, она наклоняется ко мне и кивает в сторону. – Вон Неклюдова тоже разошлась прошлой осенью и сразу себе грудь сделала.

Я скашиваю глаза в том направлении и вижу симпатичную блондинку с выдающимся бюстом, которая делает селфи со стаканчиком в руках.

– Хочет с тренером замутить! – со значением вытаращивает глаза Настя. – А бывший муж подкатывает лыжи к вон той стюардессе! Но у неё «папик» есть богатый!

– Почему ты мне обо всём рассказываешь?! – шёпотом спрашиваю я.

– Ты мне сразу понравилась со своими этими, – девушка

взмахивает чашкой в сторону моих волос, выбившихся из-под капюшона. – Ещё потому, что я знаю, как воспитывать такого, как Борька. Ты вроде нормальная чувиха, а вот твой бывший – козёл! – Она морщит нос. – Вместо того чтобы наблюдать за тренировкой, иногда уматывал в машину!

– Уматывать в машину – не запрещено, – я пока даже не знаю, как реагировать на эту гиперактивную всезнайку.

– С левой бабой?! – Настя протягивает руку и похлопывает меня по предплечью.

– Я такая жалкая... – сунув нос в стакан с латте, бубню я. – Все это видели, а теперь – вот она, глупая ничего не замечающая жена, которой он изменял.

– Он тут всех бесил, если честно. Вечно лез к тренеру с советами, как учить детей. И ещё высокомерный как не знаю кто. Плюнь ты на него. Заведи мужика покруче и утри бывшему нос!

Я делаю глоток кофе, не зная, что на это ответить.

Вдруг увидев что-то за моей спиной, Настя изменяется в лице и вытягивается по струнке. Я поворачиваю голову, ожидая усмотреть там нечто ужасное, но вижу только, как к кофейне идут несколько парней.

Это явно спортсмены, – они такие высокие, что едва не задевают головами низкий потолок в этих полуподвальных катакомбах под ареной. Парни негромко о чём-то переговариваются, неспешно вышагивая в своих спортивных шортах, футболках, забрендированных под цвет команды и сланцах

на босу ногу. Мне становится холоднее уже от одного взгляда на них.

Подойдя к баристе, они расслабленно опираются на стойку и диктуют свои заказы. Один из спортсменов, вихрастый красавчик с точёным подбородком неспешно обводит взором толпу и, поймав мой взгляд, вдруг задорно подмигивает.

Глава 9

После тренировки мы с Борей едем в его школу, где он остаётся до вечера, а дальше мучительное – офис.

Женя взяла за моду являться к обеду почти каждый день, но перед тем, как увести Андрея, устраивать «показательные выступления», явно для меня. Вот только рабочее настроение от этого портится у всей команды.

Через пару недель жёсткой эротики в аквариуме заклятого мужа я потребовала что-то с этим сделать.

– Она отвлекает моих ребят своей вертлявой задницей и портит рабочую атмосферу.

– Тебя смущает, что у меня бурная личная жизнь, Машунь?

Меня смущает всё. И в первую очередь то, что Андрей так резко изменился эмоционально рядом с Женей. Со мной он никогда не был настолько раскованным, смешливым... счастливым? Неужели я не делала его таким? Может быть, он прав и со мной действительно тяжело? Но почему тогда он не признался в этом раньше?

– Просто не заставляй сотрудников наблюдать за вашими оргиями. Это сбивает с толку.

Сегодня я пришла как раз в тот момент, когда в кабинете Андрея суетились рабочие, навешивая изнутри жалюзи. Вот так закончилась и наша гармония в работе. Один из дирек-

торов отгородился от своих сотрудников.

Андрей стоит в общем холле, сложив руки на груди, и я не могу пройти незамеченной.

– О, Маш, новый имидж? – он иронично поднимает бровь. – Такая кардинальная перемена?

– Долгая история, – бросаю я, проходя к себе.

Ребята отрываются от своих компов и, сделав потрясённые лица, вновь кидаются к клавиатурам. Наверняка их междусобойский чат сейчас закипает от обсуждения моей новой внешности.

Подходя к своему аквариуму, я разглядываю отражение в тёмном стекле. Невысокая, худая – как бы ни пыталась набрать вес и раскачать женственные формы. На мне мой любимый брючный костюм из сырого шёлка и лоферы на литой подошве. В руках сумка с ноутбуком. Вполне деловой вид – если бы не причёска.

– На каком этапе «подкоротить кончики и осветлить пряди» превратились в пикси-боб ярко-розового цвета? – рычу я на Вику по телефону.

– На том, когда мы с тобой выпили по второй бутылке и ты начала возмущаться, что не робот и тоже готова к переменам и приключениям?

– Вообще не помню.

– Сейчас доказательства скину.

В наш чат сыплются фото: я с хулигански высунутым языком и с отрезанными прядями в руках; мы с Викой прижи-

маемся щеками, а мои волосы завернуты в полоски фольги; я тычу в самый экстремальный оттенок фуксии на пробниках.

– Мне срочно нужен мой обычный цвет!

– Слушай, я попробую поговорить с Никифоровой, но эту запись к ней я ждала месяц! И мне ещё повезло! Ну потерпи ты! И не вздумай перекрашиваться сама, иначе станешь леопардовой!

Вздохнув, я работаю, словив свой «гиперфокус». Ищу происхождение обнаруженного бага, из-за которого у клиентов не обновляется вовремя сумма на счетах после проведённой финансовой операции. В чате у разработов, как обычно, вой, стон и проклятия. Я пролистываю его лишь время от времени, чтобы не пропустить важного.

На телефон в группу родителей Бориной хоккейной команды приходит новое сообщение от Насти:

«Сегодня первая домашняя игра сезона. Тренер выдаст на всех пригласительные. Сбор, как обычно, перед входом А11, я раздам».

Она присылает сообщение и мне лично:

«Сегодня Лис впервые после травмы будет играть!»

«Я, наверное, не смогу».

«Мы обязаны. Это наша команда!»

Боря в лихорадочном ажиотаже перед игрой, и я пытаюсь понять, хорошо это или плохо? Он бежит к нужному входу на арену и тянет меня за собой.

– Лис, мама, Лис! – приговаривает он. – В этом году мы точно возьмём кубок Гагарина!

Настя протягивает мне два пригласительных и обещает, что сядет рядом, когда раздаст все билеты.

В огромном холле ледовой арены Боря ведёт меня к сувенирной лавке.

– Ты должна купить себе джерси! Как у меня! – на сыне его игровой свитер в цветах команды с надписью «Борис» и цифрой девять на спине.

Продавец улыбается и протягивает мне фирменный пакет.

– Последняя «Девятка»! Успели вы!

– Надевай! Надевай! – волнуется Боря и я стягиваю пиджак, чтобы накинуть огромную форменную кофту с длинными рукавами.

– Вот так, брат и сестра теперь почти одинаковые, – подмигивает парень.

– Это моя мама! – отрезает Боря.

На нашем секторе трибуны немногочисленно и в основном, здесь родители и дети из ДЮСШ. Практически сразу все юные спортсмены сбегают вниз и прижимаются носами к пластиковому ограждению над бортом, наблюдать за разминкой хоккеистов. На арене уже копошатся взрослые спортсмены. В полной амуниции они растягиваются, усевшись, а кто-то и улёгшись прямо на лёд.

Вратари, похожие на трансформеров в своих огромных щитках, закрывающих ногу от ступни до бёдер, огромных

крагах до локтей и зарешеченных шлемах разлеглись у краёв катка. Раздвинув ноги, они перекатываются с одной пятки на другую. Как они умудряются быть такими пластичными со всеми этими домиками на телах – уму непостижимо.

Другие игроки тоже принимают разные позы и растягивают мышцы. Я как раз залипла на «девятке», который, опершись на локти и коленки, «твёркает», оттопырив зад.

– Оо! Не опоздала на растяжку! – пыхтит, усаживаясь рядом со мной Настя. Она кивает на «девять» – обожаю, когда они так делают! Интересно, понимают, как это выглядит со стороны?

Наконец, раздаётся свист и команды покидают арену. Гаснет свет.

Ведущий торжественно требует внимания.

– Дамы и господа! Рад приветствовать вас на первой домашней игре в сезоне! Праздник хоккея нового сезона объявляется открытым! Итак! Спортсмены выходят на лёд!

Зажигается прожектор, подсвечивающий калитку, из которой выскакивает первый игрок. Он несётся по льду, пока ведущий объявляет его имя. На огромных экранах под толком арены появляется фото спортсмена без шлема, подпись дублирует имя, положение в команде, возраст, рост, вес.

Сделав полный круг, хоккеист встаёт с одной стороны арены, и все следующие игроки выстраиваются рядом с ним.

– Дорогие любители честной игры! После травмы в строй

команды возвращается спортсмен под номером «девять», правый нападающий Никита Лисовский!

Трибуны орут от возбуждения. Настя хлопает рядом со мной и визжит.

Смотрю на экран и узнаю спортсмена, подмигнувшего мне утром у кофейни.

«Никита Лисовский» – сообщает всем табло. «Двадцать девять лет, рост – сто девяносто два сантиметра, вес – восемьдесят шесть килограммов»

Я мгновенно высчитываю разницу в три года в мою пользу, двадцать семь сантиметров и тридцать семь килограммов в пользу Лисовского.

Наконец, все команды на льду, мы слушаем гимн, звучит свисток к игре. Судья вбрасывает шайбу, и хоккеисты с бешеной скоростью стучат клюшками. Наша команда сразу переходит в наступление и перебрасывает шайбу на сторону противника. Все молниеносно передвигаются, будто лезвия коньков – это продолжения ног, будто там маленькие крылышки, которые придают ускорение.

Я потихоньку заражаюсь безумием истосковавшейся по адреналину толпы. Эмоции тут бьют через край. Круто, что можно даже кричать во все горло и никто не посмотрит за это косо. Вместе со всеми я подскакиваю, когда кто-то из спортсменов вдруг резко впечатывает в борт «девятку». Голова Лисовского прижата к пластиковому прозрачному ограждению и дети, восторженно крича, лупят по нему ла-

дошками. Лис ухмыляется детям, а потом поднимает глаза прямо на меня.

Глава 10

Вставать ранним утром каждый день и куда-то тащиться, несмотря на жару, дождь, шквальный ветер или мороз? Любый родитель юного спортсмена скажет, как он это «любит». А всё-таки поднимается ни свет ни заря. Пакует завтрак юному дарованию. Расталкивает ото сна надежду спорта, которая дрыгает ногой и желает ехать на тренировку именно так – в одеялке и в пижаме. Тащит взъерошенное чучелко в машину (такси, автобус, санки, на себе пешком) и везёт к другим таким же оболтусам в секцию.

Каждый день! Я с тоской гляжу на огромный спортивный баул на колёсиках, клюшку и, ухнув, вытаскиваю их из багажника. Как я раньше сама добиралась до своей секции спортивной гимнастики на другом конце города? С пересадкой на метро и ещё пешком через парк, где собачники любили отпускать своих питомцев с поводка. Те радостно бросались вслед за опаздывающей и бегущей со всех ног мной.

Окончательно проснувшийся, перекусивший по дороге йогуртом и хлебом Боря подхватывает свою сумку и катит её к арене. Тренер его группы как раз тоже входит в здание и, увидев нас, придерживает дверь. Я киваю ему в знак благодарности.

– Виктор Владимирович, здравствуйте! – Боря старательно произносит все буквы «Р».

– Здравствуй, Борис! Мария Николаевна, – тренер шагает рядом с нами. – Я как раз хотел с вами поговорить. – Он держит в руках термокружку и прихлёбывает на ходу.

– Дирекция клуба организует фотосессию для календаря на следующий год и отбирает детей, которые занимаются в ДЮСШ. Из моей группы я предложил Борю. Вы не против?

– Почему именно его? – спрашиваю я.

– Ну, потому что он такой...

– Особенный? – я поднимаю бровь.

– Хороший стратег, – одновременно со мной произносит тренер. – Он видит действия противника, как будто заранее просчитывает, где и когда тот будет нападать и чётко выстраивает защиту. У меня никогда не было такой сильной обороны. Ну и Боря красавчик! А, Борис?

Сын хмурится и смотрит на меня, пытаясь решить, как ему реагировать.

– Красота – это абстрактное понятие. Я не вижу преимуществ в том, чтобы быть красивым. Гораздо лучше быть техничным и полезным для команды, – говорит он ровным голосом.

Тренер аккуратно похлопывает Борю по спине и тот старается не морщиться.

– Съёмка будет сегодня в четыре, Мария Николаевна. Вы будете?

Я вопросительно смотрю на Борю и тот пожимает плечами.

– Да, мы приедем.

Вместо Насти сегодня её муж, папа Платона. Видимо, он тоже теперь в курсе моих проблем со шлемом и сразу подходит к нам на помощь. Отправив сына на тренировку, я иду за кофе, а потом ныряю в замеченный вчера коридорчик. Одну стену здесь занимают большие окна, которые выходят на раскаточную арену, где сейчас работают дети. Можно наблюдать за их тренировкой совсем близко, находясь в относительно тепле.

Смотрю на Борю, на то, как тщательно он выполняет все упражнения, которые демонстрирует тренер. Когда попадается какой-то особенно тяжёлый элемент, он повторяет его много раз, чтобы исполнение стало абсолютно точным. Неважно, что другие дети смухлевали и перешли к следующему этапу – поджав губы, сын сосредоточенно добивается идеала.

– Так вот ты где обитаешь, принцесса Бубльгум! – вдруг раздаётся глубокий голос над моим ухом и я взвиваюсь вверх, расплёскивая кофе.

– Упс, сорян, – произносит Никита Лисовский, глядя как я трясую облитой липкой коричневой жижой ладонью. – Кофеёк за мной.

Я задираю голову, чтобы разглядеть его. Вблизи хоккеист кажется ещё выше, чем тогда, возле кофейни.

– Эй, Ник, ну ты что там застрял? – я поворачиваюсь и вижу чуть дальше по коридору двоих парней, нетерпеливо

переминающихся с ноги на ногу.

– Идите пацаны, я догоню, – не оборачиваясь, сообщает Никита и те, махнув руками, шлёпают сланцами дальше.

Я замороженно разглядываю Лисовского. У него русые вьющиеся волосы длиной чуть ниже ушей, смеющиеся глаза цвета морской волны, брови вразлёт, крупный нос и твёрдый рот. А ещё широкие плечи, накаченные руки и очень мощные ноги. Он опять в шортах, будто здесь, под ареной, не пятнадцать градусов от силы.

– Нравится то, что видишь? – снова подмигивает мне Лис и я понимаю, что бесстыже пялилась на незнакомого мужика как минимум минуту.

– Ой, простите за грубость, – я кривлю губы от смущения.

– Можешь продолжать, если хочешь, – парень подходит ко мне ближе и, закинув руку за голову, опирается локтем на стекло. Я замечаю тату на внешней стороне его мощного предплечья. Это аскетичный крест – линию, тянущуюся от запястья до локтя, пересекает линия покороче. На бицепсе тоже какой-то рисунок, но его видно только частично.

– Йоу, их много по телу. Хочешь заценить? – спрашивает Лисовский, наклоняясь ко мне. Я какое-то время туплю, пытаюсь понять сказанное.

– Это что, шутка? – наконец, выдавливаю я.

– Вполне серьёзно предлагаю перепихнуться. Как насчёт сегодня вечером? У меня будет пара часов в районе восьми.

– Вы... больной?! – я ловлю ртом воздух.

– На сто процентов здоров! Только что с медосмотра! – гордо заявляет Лисовский. – Ну так как? Ты что, не хоккейная фанатка? С такой попкой и мультяшной причёской ты определённо ей должна быть!

Глава 11

Без четверти четыре мы с Борей снова подъезжаем к арене, он опять облачается в хоккейную амуницию, и мы вдвоём выходим ко льду. Там нас уже ждут тепло одетые фотограф, пресс-секретарь, замдиректора клуба по связям с общественностью и его ассистент. Мы знакомимся, пожимаем руки.

Тренер приветствует Борю в «кормушке», – загончике с лавками, где обычно хоккеисты ожидают выхода на лёд. Сын снова здоровается с ним и выскакивает через калитку на арену.

– Сейчас выйдет взрослый игрок и мы начнём фотосессию, – сообщает мне пресс-секретарь.

– Я что-то не в курсе того, что Боря должен фотографироваться с кем-то из команды, – недоумеваю я.

– Мария, но у нас каждый год выходит календарь, где малыши из хоккейной школы позируют вместе с хоккеистами из клуба. Таким образом, мы подчёркиваем связь поколений, – женщина смотрит на меня укоризненно.

– Да? Простите, – мне ужасно неловко, – я недавно сама начала возить Борю. Раньше этим занимался муж.

Она искоса поглядывает на меня и помалкивает.

Боря нарезает круги по льду, отрабатывая лихие виражи. Когда на арену через калитку с противоположной стороны

выскакивает взрослый хоккеист и подъезжает к нему, чтобы дать «пятюню», сын сначала резко встаёт на месте, а потом изо всех сил стучает своей ладошкой в маленькой краге по огромной взрослой.

О чём-то переговариваясь, они подкатывают к фотографу, не очень уверенно переступающему по льду в кроссовках. Тот командует им снять шлемы и двигаться. Отдав защитные каски тренеру, мой мальчик со спортсменом начинают неспешно передавать друг другу шайбу клюшками. Хоккеист в какой-то момент разворачивается спиной, и я вижу «девятку». Застонав, я привлекаю к себе внимание пресс-секретаря.

– Смотрите, как повезло вашему сыну, ему в пару выпал сам Лисовский!

– О да, повезло, как утопленникам, – бурчу я себе под нос. Когда эти двое проплывают мимо нас, я уже не вижу на морде нахала красного пятна от пощёчины. Либо припудрили, либо кожа привыкла вечно получать и уже адаптировалась к нагрузкам. Он снова на меня пялится. Нахмурившись, переводит взгляд на Боря. Ну держись у меня, попробуй только выкинуть какую-то гадость против моего мальчика, и я тебя на месте размажу!

Боря сияет, как медный пяточок. Он суется вокруг Лисовского и как обычно, в моменты сильного волнения, перестаёт глядеть в глаза собеседнику.

– Скажи что-нибудь мальчику, а тот пусть на тебя смот-

рит! – командует фотограф.

Лисовский что-то произносит, но Боря водит взглядом куда угодно, только не на хоккеиста. Лис вновь обращается к моему сыну, но тот уже демонстративно отворачивается от него. Фотограф громче повторяет просьбу, и Лисовский опять наклоняется к Боре.

Я кусаю губы от волнения. Главное, чтобы сын не перенервничал.

– Ладно, тогда обнимитесь! – требует пресс-секретарь.

– Не очень хорошая идея, – обращаюсь я к ней. – Боря не любит, когда к нему прикасаются.

Женщина поднимает бровь.

Я смотрю, как сын дёргает плечом и уходит из-под руки Лисовского. Тот глядит на Борю, склонив голову. Помедлив секунду, он снова обращается к мальчику и начинает показывать тому какой-то хоккейный фокус. Сделав резкое движение, он захватывает шайбу клюшкой и принимается подкидывать шайбу вверх, одновременно поворачивая клюшку то в одну, то в другую сторону. Сын зачарованно следит за Лисовским и, подкатившись поближе, внимательно наблюдает за его действиями. Потом «девятка» подкидывает шайбу в последний раз и передаёт её Боре. Мой мальчик пытается повторить элемент и тоже принимается подкидывать шайбу, разворачивая при этом клюшку. Когда ему удаётся подбросить её, по-меньшей мере, четыре раза, Боря откидывает голову и заливается смехом. Они с Лисовским снова да-

ют друг другу «пять» и теперь шуточно пытаются играть в хоккей. Боря встаёт в оборону перед воротами, Лисовский нападает, и сын отбивает все его атаки.

Наконец, фотограф командует, что достаточно.

Ко мне подходит ассистент замдиректора и подаёт планшет с формой для заполнения.

– Пожалуйста, распишитесь, что не против того, что клуб будет использовать изображения вашего сына в печатных и сетевых изданиях. Оставьте контактные данные, мы скинем вам файлы на память.

Боря с Лисом идут в нашу сторону по мягкой резиновой дорожке, устилающей пол. Сын выглядит таким счастливым, что я даже готова простить утренний словесный понос этого звёздного чудилы на букву «м».

– Так твой сын «Человек дождя!» – провозглашает Лисовский. Подумав, поднимает палец в краге вверх, – «Хороший доктор»!

Я уже замахиwaюсь для новой пощёчины, но вспоминаю, что Боря смотрит на меня во все глаза.

– У моего сына расстройство аутистического спектра. Но при этом сохранная умственная деятельность. А вот у вас... – я сжимаю губы и боюсь лопнуть от злости, – явное её отсутствие!

Ко мне подлетает тренер и, гася конфликт, уволакивает нас с Борей в раздевалку.

Весь оставшийся день я снова думаю, как сын будет жить,

когда меня уже не будет рядом. Бывают периоды, и тревога отступает, но иногда мне опять становится так страшно, что я почти не могу дышать. Что, если ему попадутся нетерпимые люди, которые не захотят отнестись к нему с пониманием? Расценят особенности в его общении и безэмоциональность как насмешку или угрозу? Будут смеяться над ним, или что вообще вводит меня в панику, – нападут с кулаками?

Когда я лежу в своей постели, мне приходит сообщение от неизвестного номера.

«Я не собирался тебя обижать. На самом деле я бы хотел поговорить с тобой про твоего сына. Это касается меня лично».

Глава 12

«Ура, я нашёл уязвимость!» – приходит сообщение в беседу разработов, и я впиваюсь глазами в надпись.

«Иван печатает» – подсказывает мне чат, и я жду, когда парень пришлёт объяснение, но его так и нет.

Да что с ним! Поднимаю голову и ищу взглядом своего старшего разработчика, который сидит и смотрит в сторону разинув рот словно какой-то болван! Прослеживаю взглядом, куда это он уставился, как, кстати, ещё добрая половина ребят и, увидев причину их оцепенения, готова заорать!

Чёртов Лисовский явился ко мне на работу собственной персоной и сейчас мило о чём-то болтает с Андреем!

Топаю к своей двери и распахиваю её, чтобы вышвырнуть этого дровосека из нашего офиса.

Заметив меня, Лисовский что-то говорит Андрею и направляется ко мне.

Я еле дышу от злости. Все головы моих сотрудников, как одна, поворачиваются за ним. Вот уж не думала, что они такие фанаты хоккея! Или, может, дело в том, что Лисовский несёт огромный букет ярко-красных роз и, глядя на меня, лыбится, как идиот?

– Ты! – я одёргиваю сама себя. Давно не была в такой ярости. Почему он меня настолько раздражает? Это же нерационально! Прикрываю веки и глубоко вздыхаю. Успокойся.

Возьми себя в руки.

– Принцесса Бубльгум! – ревёт Лис на весь офис, и я распахиваю глаза. – Так ты чёртов ботан!

Я хватаю Лисовского за полу монклеровской куртки и, втащив в аквариум, захлопываю дверь. Складываю из пальцев пистолет и, прищурившись, целюсь в Ивана. Тот, уловив мой тонкий намёк, утыкается в свой ноутбук.

– Это тебе, Маша, – Лис вручает мне в руки тяжеленный букет. – Кофе можем пойти у вас в ресторане под крышей выпить. Я Никита, но ты и так уже знаешь.

– Какого хре... лешего ты припёрся, неотёсанный мужлан?! И как выяснил, где я работаю?!

Лис выпячивает губу и корчит обиженную морду.

– Может, я по делу пришёл. Нормально ты же мне ответить вчера не смогла? – Впрочем, он тут же возвращается в свою форму беспредельщика и наглеца. Сунув руки в карманы, обходит мой аквариум по периметру, читает надписи развешанных в рамках дипломах и сертификатах, даже заглядывает в шкаф и смежный с кабинетом санузел.

– Я к Витьке сходил в тренерскую и там в папке с данными родителей посмотрел. Ты знаешь, что у вас в группе три Давида, три Александра, три Елисея и только один Борис?

– Я же написала тебе, можешь посмотреть «Хорошего доктора», раз уж ты не постеснялся с ним моего сына сравнить.

– Нет, так не пойдёт. Мне надо, чтобы ты сама рассказала.

Я, может, для родного человека спрашиваю.

– Тогда надо обратиться к специалисту.

– Были уже. Везде были, диагноз поставили, план расписали, работаем.

Я сжимаю переносицу.

– Что тогда тебе от меня нужно?

Лисовский садится в кресло перед столом и вытягивает ноги так, что они почти достают до моих.

– Ребёнок пяти лет. Диагноз – такой же, как у Бори. Мать не хочет верить, плачет, уже поставила на нём крест. Я вчера смотрел на твоего пацана и понял, что он вполне... нормальный. – Лисовский складывает руки на груди и смотрит в сторону. – Хочу своего тоже сделать таким. Чтобы у него было... будущее.

Охх.

– Это твой сын?

Лис хрюкает и скидывает руки.

– Родной брат. Я их с матерью из Екб сюда привезу, только поговори с ней. Пусть поймёт, что надежда есть! Можно его нормальным сделать!

Я вздыхаю.

– Слушай, «нормальный» – очень растяжимое понятие. Это раз. Два – мы говорим «нормотипичный» и «нормонетипичный», и три – спектр потому и спектр, что все люди с аутизмом абсолютно разные и в своих навыках и умениях могут находиться в противоположных друг от друга его сто-

ронах. Боря много чего знает и умеет, потому что мы очень рано начали с ним заниматься. А может, даже если бы мы и не занимались, всё равно так и развивался бы. Никто не делает прогнозов на то, каким станет ребёнок с РАС.

– Но может ведь? Развиваться нормально? Ей просто нужен хороший пример перед глазами.

Я вспоминаю, как тоже отчаянно искала «истории успеха» у других людей с аутизмом. Да что там, я и сейчас их ищу.

– Хорошо, привози маму, и я её познакомлю с одним важным для нас с Борей человеком.

В дверь моего аквариума стучит Андрей и сразу входит.

– Никита, я уже говорил, что большой ваш фанат и хотел бы попросить вас сделать совместное фото... – присев в соседнее с Лисовским креслом, он привычно передаёт мне свой телефон, чтобы я сделала снимок.

– Вы пришли, чтобы узнать наши условия работы? – спрашивает Андрей. – Можем предложить вам персональный сервис, лучшую онлайн и офлайн поддержку и совершенно беспрецедентную защиту данных. Мы с Машей начинали разрабатывать платформу одиннадцать лет назад, ещё учась в университете. То, что предварительно представлялось симуляцией по мотивам игры, однажды стало многомиллиардной бизнес-платформой. Я предлагаю перейти ко мне в кабинет, там все демонстрационные материалы и возможность протестировать приложение...

– Не-не, я по другому делу пришёл, – прерывает его Ни-

кита. – Да и вот извиниться хотел. Подумал, что она моя фанатка и подкатил к ней по-свойски. – Он кивает на букет, который сиротливо лежит на краю моего стола.

– Ооо, Маша и хоккей – это совершенно полярные явления! – смеётся Андрей. – Она была категорически против того, чтобы наш сын занимался в секции. Моя жена ненавидит агрессивные виды спорта и агрессию в принципе. Маша вообще довольно зажатая женщина, ей сложно оценить по достоинству эту страсть, ярость и азарт, которые происходят на льду.

– Ну, тренер жёстко наказывает тех, кто позволяет себе проявлять ярость во время игры, – пожимает плечами Никита, внимательно разглядывая моё лицо. – Хороший спортсмен не должен давать волю эмоциям. Трезвый и холодный расчёт – вот чего он от нас требует.

– Так как, можно сделать совместное фото? – уточняет Андрей.

– Что-то не в настроении, – пожимает плечами Лис, поднимаясь со своего кресла. – Не забудь, что обещала, – напоминает он мне.

Глава 13

– Андрюша, тебе нужно освободиться от иррациональности в знаменателях и здесь a не равно b , потому что второй сомножитель у тебя теряет смысл. Вот, посмотри, как Маша решила, у неё получилось очень изящно. Молодец, Машенька! – Ольга Дмитриевна похлопывает меня по плечу. – Давайте, дети, закругляйтесь, сейчас придёт голодный Боря и будем ужинать. Маша, оставайся! У нас сегодня щи со щавелём.

Запихиваю учебники в рюкзак и вскакиваю.

– Я не голодная, Ольга Дмитриевна! Спасибо вам большое за приглашение! – искоса поглядываю на Андрея, который делает вид, что ничего не слышит.

– Нет, ну что ты, Маша! Иди вымой руки и можешь пока достать хлеб, – Ольга Дмитриевна достаёт керамические суповые миски, срезает зелёные пёрышки с луковок на подоконнике.

Я прихожу к ним каждую субботу почти весь учебный год. Мама сначала злилась, что я так отлыниваю от уборки и не хотела пускать, но после звонка Ольги Дмитриевны немного поутихла.

На самом деле, и мне ужасно стыдно в этом признаться даже себе, – я с такой радостью бегу к учительнице ещё и потому, что целый час я буду сидеть рядом с её сыном, Ан-

дреем. Он уже в одиннадцатом классе и намерен поступать на мехмат МГУ. У Андрея волосы чуть длиннее положенного, мечтательные серые глаза и он умеет кататься на скейте. В школе все девочки влюблены в него, и он знает, как популярен. Сейчас Андрей тусит с Леной из своей параллели. Она настоящая красотка с этими золотистыми локонами до лопаток, в коротких юбочках и настоящих «Мартенсах».

Я смотрю на несурзные джинсы, которые достались от дочки маминой сотрудницы, а кроссовки опять мне жмут, и мама будет ругать за то, что я так быстро расту. Вдыхаю.

Раздаётся звонок и Ольга Дмитриевна спешит открыть дверь.

– Здравствуйте, дети! – приветствует нас с Андреем его отец, Борис Витальевич, входя на кухню. Он уже переоделся из своей рыбацкой спецовки и усаживается за стол. – Как успехи, сын? – спрашивает он, зачерпывая ложкой ароматный суп.

Андрей бубнит себе что-то под нос и морщится от запаха. Я же стараюсь жевать очень медленно, чтобы не смолотить щи в один миг и не беру больше двух кусков хлеба. Но все мысли о еде мгновенно улетучиваются, когда я чувствую, как на мою коленку опускается горячая рука.

– Так что ему было от тебя нужно? – Андрей сегодняшний вырывает меня из воспоминаний.

– Это не связано с работой, – не думаю, что Никита хочет, чтобы посторонние люди знали о диагнозе его брата.

– А поконкретнее? – уточняет меня муж. – Почему к тебе вдруг является самый высокооплачиваемый игрок в КХЛ, но ты даже не пытаешься продать ему наши услуги?

– Андрей, пожалуйста, выйди, – на меня вдруг наваливается мигрень, и я принимаюсь тереть виски, поставив локти на стол. Страшно хочется заплакать, но глаза так и остаются сухими.

– Машунь, мы с тобой партнёры, а хуже того, – супруги. Будь добра, не указывай, что мне делать.

– Осталось два месяца из трёх на раздумье, – выдавливаю я, закрыв ладонями лицо. – Потом только партнёрство в бизнесе.

– Какой незатейливый букет, – произносит Андрей и я слышу шелест обёрточной бумаги. – Неужели не хватило фантазии купить что-то поинтереснее помимо красных роз? Что значит, «хотел подкатить по-свойски»?

Я целую минуту надеюсь, что если не убирать руки от лица, то муж каким-то образом испарится вместе со своими вопросами.

– Машунь?

– Он решил, что у меня подходящая попка для хоккейной фанатки. И причёска. Предложил «перепихнуться». Доволен?

– Доволен ли я, что какой-то дуболом решил подкатить к матери моего сына? Может, посмотришь на меня, Маша?

Андрей вцепился в меня, как бульдог. Убираю руки от ли-

ца. Глаза болят так, словно вот-вот вывалятся. Нужно вынуть линзы и надеть очки.

– Когда мы с тобой начали... прятаться от родителей тогда, перед твоим школьным выпускным... Ты мог представить, что мы будем учиться на одном факультете, поженимся, придумаем общее дело, родим сына и проживём вместе почти десять лет?

Андрей склоняется через стол и берёт мою руку.

– Конечно, нет. Я был уверен, что стану настоящим ловеласом, как Джеймс Бонд и после поступления в универ начну менять девчонок каждый день.

– Значит, я помешала сбыться твоим мечтам? А я, наоборот, была уверена, что ты будешь моим первым и единственным мужем на всю жизнь.

Перевернув ладонь, Андрей прослеживает пальцем мою линию судьбы.

– Нет ничего абсолютного, Машка. Одно время я на полном серьёзе считал, что ты настоящий идеал женщины, – красивая, сдержанная, умная. Когда у тебя был срыв, я испугался, помнишь? Не помнишь, конечно. Как будто надо мной зашаталась скала, угрожая обвалиться на меня. Я тогда впервые задумался, насколько ты хрупкая. Потом Борин диагноз. Новый удар. Ты зашаталась, но снова выдержала. А потом ты совсем замкнулась и как будто обернулась вокруг Бори и стала смотреть только на него. А для меня тебя уже не было.

Андрей машинально обдирает лепестки у роз и складывает их мне в руку.

– Знаешь, я вот подумал, что очень мало времени провожу с Борей. Я хочу опять возить его на хоккей.

– Андрей, я в курсе того, что вы с Женей... уединялись во время его тренировок. Это опасно, Боря всегда должен быть под нашим присмотром.

Муж хмыкает и поправляет на носу свои очки-«нулёвки».

– Теперь незачем уединяться. Мы с Женей съехались.

Глава 14

Я всё ещё в офисе, работаю над обнаруженной уязвимостью в системе. За безопасность денег и ценных бумаг наших клиентов мы отвечаем годами выстраиваемой репутацией. И ответственностью, указанной в уголовном кодексе. Не сразу я понимаю, что мой телефон разрывается от звонка.

– Маша, ты срочно должна приехать к Боре, у него истерика!

Исполняя своё обещание, Андрей сам встретил сына из школы, а перед этим забрал у меня из багажника баул с формой, чтобы отвезти мальчика на тренировку к восьми утра завтра. Не очень-то хотелось отпускать ребенка к Жене, но после развода нам с Андреем всё равно придётся делить опеку пополам. Правда, я даже представить себе не могла, что мелтдаун у Бори случится в первый же вечер с отцом и его любовницей.

Когда я заскакиваю в пока еще нашу с Андреем квартиру, то вижу моего мальчика, ничком лежащего на полу. Он обессиленно всхлипывает, измотанный нахлынувшими чувствами. Бегу к нему, пытаюсь обнять, но сын сбрасывает мои руки.

– Давно он так? – спрашиваю у взмокшего Андрея. Из кухни выглядывает Женя и прислоняется к дверному про-

ёму.

– Часа полтора с небольшими перерывами.

– Что случилось? – Я потихоньку беру Борину ладошку и напеваю ему любимую колыбельную из «Смешариков». Сын вырывается и всё ещё тихонько плачет, но движения уже менее дерганные, он позволяет мне придвинуться ближе.

– Женя поцеловала меня, и Боря это увидел.

Резко поворачиваюсь к нашей бывшей няне, та поднимает руки в защите:

– Я думала, что он в своей комнате.

Боря, наконец, прижимается ко мне всем телом. Я обхватываю его со спины и разворачиваю в сидячее положение. Сын так измотан, что почти не протестует против моих прикосновений. Господи, почему я могу обнять своего ребёнка только вот в таком состоянии?!

– Останешься с папой и Женей или поедешь со мной в Мишину квартиру?

– К Мише. – Сын отстраняется от меня и трёт глаза кулачками.

Боря всё ещё в школьной одежде, значит, он даже не успел поесть.

– Поедим пиццу?

Сын кивает и идёт к выходу. При всей его пищевой избирательности всегда можно подкупить Борю пиццей или жареной картошкой. Выбор не самый здоровый, а потому и редко применяемый. Но сегодня нам это нужно обоим.

– Сын, я бы хотел с тобой, как раньше ходить на хоккей, можно? – Андрей наклоняется к мальчику и аккуратно кладёт ему руку на плечо.

– Я с мамой, – отрезает ребенок.

– Форма? – уточняю у Андрея, и тот тоже начинает обустраиваться.

– Неужели всегда будет так? – спрашивает он, прислонившись к стене в лифте и прикрывая глаза.

– Я каждый день задаюсь таким вопросом, Андрей.

Когда на следующее утро я наблюдаю за Борей с трибуны, рядом со мной снова появляется Лисовский. Сегодня парень накинул толстовку, но всё так же в шортах и сланцах на босу ногу. Кажется, что вот-вот от него пойдёт пар.

– Ты от меня прячешься, принцесса Бубльгум?

Я почти не спала этой ночью, и мигрень снова маячит где-то на периферии сознания.

– Не хочу ни с кем разговаривать.

– Он у тебя крутой, – Лис кивает на Борю, который сейчас играет на своей любимой позиции защиты.

Мы молчим, прислушиваясь к скрипу лезвий коньков по льду и перекрикиваниям ребятшек.

– Почему здесь ты, а не муж? – снова подаёт голос Лисовский. Он внимательно следит за моим сыном, а я, воспользовавшись возможностью, разглядываю его профиль. Под ярким светом софитов видно небольшой шрам на лбу, несколько бледных швов на подбородке и то, что слева верхняя губа

была грубо рассечена, да так и срослась с небольшим пунктиром в идеальной линии.

– Боря не хочет.

– Не хочет, чтобы его водил отец?

– Не хочет отца.

– Хм... У вас всё не очень хорошо, да?

Я тру лоб.

– Всё как-то по-дурацки, знаешь... Вот скажи... Что заставило бы тебя заплакать?

Лис поворачивается ко мне и хмурит брови.

– Просто не могу поплакать, а мне так нужно, – пожимаю плечами я.

– Когда был пацаном, я всегда плакал над фильмом «Белый Бим, чёрное ухо». Едва по телевизору начинались первые титры, я бросался в рёв. Раньше были такие журналы с программой, помнишь? «ТВ-гид», да? Бабушка подчёркивала передачи, которые хотела посмотреть и если там был «Белый Бим», то она замазывала его пастой, чтобы я не увидел. Даже название меня разматывало на целый день. И знаешь что? Я понял её хитрость и начинал орать уже при виде замазанного ручкой названия! Эй, я реветь начинал, а ты ржёшь! – Никита дурашливо подпихивает меня своим задом, но не рассчитывает силы, и я едва не валюсь со своего сиденья.

– Да ты чего мелкая-то такая! – возмущается Лис, успевая спасти меня от падения.

Он действительно горячий, как печка. От руки пышет таким жаром, что температура моего тела мгновенно поднимается на несколько градусов. Я на секунду прикрываю глаза, наслаждаясь этим уютным теплом. И – отстраняюсь несмотря на всё внутреннее сопротивление.

– Включу сегодня вечером, вдруг поможет? – улыбаюсь, глядя на здоровяка. Он подозрительно шмыгает и отводит глаза. – Эй, ты что же, готов разрыдаться даже от воспоминания о фильме?

Через мгновение Лис поворачивается. Глаза действительно поблёскивают.

– Обычно это я баб смеяться заставляю, а не они меня – рыдать. – Он кривит рот, и с небольшим шрамом на губе это выглядит дьявольски привлекательно. – Ну что поделать, когда-то со мной должен был случиться грандиозный облом.

Глава 15

«Ну что, получилось?» – сообщение приходит ночью, когда я лежу в постели.

Я смотрю на пару хоккейных коньков на аватарке, и заношу номер в записную книжку телефона. «Горячий здоровяк». Ну и пусть выглядит двусмысленно, – мне уже тридцать два, а я никогда не переписывалась с мужчиной не по деловым вопросам.

«Посмотрела до половины, получила разрыв сердца, но заплакать не смогла».

«Это очень странно. Ты какая-то Царевна Нерыдана».

Я тихонько хрюкаю в подушку.

«Спокойной ночи, здоровяк»))»

«Подожди! Что сейчас делаешь?»

«Лежу в постели»

«Голая?»

Долго пишу и стираю, не зная, злиться мне или смеяться.

«Я сейчас Андрею покажу это сообщение»

«Сорока на хвосте принесла, что вы в процессе развода»

«Не знала, что хоккеисты такие сплетники»

Теперь у Лиса то появляются, то исчезают точки в строке сообщения. Он так долго пишет, что я уже не в силах сопротивляться сну.

«Спокойной ночи» – набираю я и закрываю глаза.

– Слушай, я у парней собрал списочек того, что их заставляет плакать. Некоторые крутили пальцами у виска, – Никита плюхается на сиденье справа от меня и протягивает кофе. Потом извлекает из кармана бумажный пакет. – Взял тебе капучино, все бабы его любят. И шоколадный кекс. – Лисовский принимается прихлёбывать из своего стаканчика, глядя на то, как тренер гоняет нашу группу на льду.

– А у тебя какой кофе? – спрашиваю я, откусывая от рассыпчатой выпечки.

– Капучино.

– Так что в списке?

– Фигня разная: мем с грустным Киану Ривзом, смерть кота, забыл бабушку поздравить с днём рождения. Но есть и полезные вещи. Так, давай попробуем одну.

Девушка поёт очень нежно и чувственно и, вслушавшись, я понимаю, что она исполняет песню от лица мужчины. Мелодия развивается, нарастает крещендо, звуки ударных бьются в груди. Вкрадчивый перестук клавишных и раскаты грома заставляют сжиматься моё сердце всё сильнее. Ласковый голос рассказывает, как герой в последний раз глядит в глаза своей возлюбленной, превращается в солнце и остаётся в них навсегда. Постепенно песня идёт на спад и затихает в пианиссимо. Лис аккуратно отставляет стаканчик, вытаскивает из кармана беспроводные наушники и сует один мне, а второй вставляет себе в ухо. Открыв музыкальное приложение на телефоне, забивает в поиск название.

Ищу в себе это состояние накатывающего вала, когда в ушах начинает звенеть, в глазах становится горячо и слёзы проливаются очищающим потоком, но – ничего. Я готова разреветься от невозможности разреветься, вот такой парадокс!

После того как песня заканчивается, Никита добавляет её к себе в «Избранное» и поворачивается ко мне, пряча телефон в безразмерный карман шорт.

– Да ты тот еще рёва-корова! – я несильно пихаю его локтем и протягиваю наушник.

– А ты... – Он моргает несколько раз и закатывает глаза. – Что ты за человек такой непробиваемый?!

– Робот?

– Не... Ты просто замёрзшая, я понял. Внутри-то ты мягонькая. Тебе надо отогреться! Что сделали с Несмеяной, чтобы она рассмеялась? Сначала её заставили заплакать! Значит, с тобой надо действовать наоборот!

– Да забей, – я отхлёбываю из стаканчика.

– Сегодня мать с братом прилетают, – посерьёзнев, сообщает Лис. – Завтра сможем съездить к тому человеку, про которого ты говорила? Вместе с Борей? А вечером у меня игра.

Утром Лис уже поджидает нас в условленном месте. Рядом с ним в холле развивающего центра сидят взволнованная женщина лет сорока и хрупкий малыш, очень похожий на Никиту.

Нам навстречу выходит Света, вторая моя лучшая подруга и сын бросается к ней с объятиями. Я немного ревную от того, что её он готов обнимать всегда, наплевав на свои тактильные ощущения.

Света уже познакомилась с гостями и теперь представляет им нас с Борей.

– Елена и Егор. Мария, её сын Борис.

Мы вместе проходим в кабинет к Свете. Это просторное помещение с большой сенсорной зоной, где можно лазать в трубе-лабиринте, кататься как на качели в огромной мягкой сумке-яйце, валяться в гамаке и нырять в бассейн с мячиками.

– Боренька, покажи Егору, какие тут есть интересные игры, – просит Света моего сына, и мальчики уходят к шведской стенке. Боря, как и было велено, принимается перечислять названия инвентаря, рассказывая, какие задачи выполняет каждый тренажёр. Егор влезает в «яйцо совы» и со смехом скрывается в нём.

Елена смотрит на моего сына и в её глазах стоят слёзы.

Света берёт женщину за руку.

– Прежде всего, я хочу сказать вам, что вы ни в чём не виноваты. Забудьте всё, что вам наговорили. Дело не в плохой генетике; не в перенесённых во время беременности ОРВИ; не в том, что вы не приступили к его развитию сразу же после рождения. Вы делаете достаточно. Вы великолепная, уникальная и прекрасная мама и вы должны перестать по-

едасть себя, чтобы не скатиться в отчаяние. Договорились?

Елена быстро кивает и вытирает слёзы.

– Боря и Егор могут остаться, а вы, пожалуйста, выйдите, – просит нас с Никитой Светка.

– Как ты её нашла? – спрашивает Лисовский, медленно шагая по коридору, украшенному картинами юных художников.

– Она раньше занималась с Борей. Когда он еще был совсем другой. Я иногда приходила и с порога начинала рыдать, представляешь? Пока Света не сказала мне того же, что и твоей маме сейчас.

– Место отличное, – Лис кивает на цветные шкафчики для одежды. На каждом наклеена табличка, и детской рукой подписано имя хозяина.

– Оно наше со Светкой, на самом деле.

Однажды я спросила её, не хотела бы она открыть собственный центр и работать там так, как считает нужным? На тот момент мы с Андреем уже запустили наше приложение для торговли ценными бумагами и криптовалютой, и у меня ещё был свеж запал. Я как раз осмотрела сотню помещений под офис и была готова свернуть горы ради того, чтобы Боря занимался в таком месте, где всё бы помогало ему ощущать себя в комфорте.

Я вложила в обустройство помещения сбережения за несколько лет и еще деньги от продажи своего «Лексуса». Света взяла кредит в банке под залог квартиры. Центр рабо-

тает вот уже четыре года и, кажется, наконец-то готов выйти в плюс. Конечно, если бы мы ставили цены на занятия подороже и не брали заниматься бесплатно детей из нуждающихся семей, на окупаемость мы вышли бы гораздо раньше. Но доступность услуг была важным условием для работы.

– Можно было бы привлечь спонсоров, – предлагает Лисовский.

– Эх, Никита, никому не нужны особые детки кроме как их собственным родителям, – вздыхаю я. Мы рассматриваем копию «Звёздной ночи» работы Бориной ровесницы. У неё потрясающее чутьё на сочетание цветов.

– Смотри, какая красота! Когда я впервые увидела эту картину в музее современного искусства в Нью-Йорке, я расплакалась, – улыбаясь, поворачиваюсь к Никите, и совсем не ожидаю того, что он вдруг наклоняется и целует меня в губы...

Глава 16

Решено, что Елена с Егором сядут ко мне в машину и мы будем общаться, пока я отвожу Борю в школу и еду на работу. Я бы очень хотела уделить ей больше времени, посидеть где-то в кофейне, например, но я и так всё меньше часов провожу в офисе и меня беспокоят все чаще появляющиеся уязвимости в системе безопасности.

Почему я совсем не удивлена тому, что ярко-жёлтый «Камаро» принадлежит именно Лисовскому? Машина едет за нами, периодически взрёвывая на низких оборотах. Уверена, парень сходит сейчас с ума, двигаясь по городу только на разрешённой скорости.

– Никитку я ещё в школе родила, в шестнадцать, по залёту от одноклассника, – сообщает мне Елена, косясь на Борю на заднем сидении. – Мои родители его воспитывали, пока я специальность в училище получала. Папаша его был ещё дурнее меня, так что никак он в жизни сына участия не принимал. Потом и вовсе пропал! Поехал на заработки и исчез. А вот Егорушку мы с мужем так долго ждали! Отчаялись, всех врачей обегали! Я думала, может, он такой из-за нашего возраста?!

Поворачиваюсь к ней:

– Мне было двадцать четыре, когда родился Боря. Вполне в пределах нормы.

Елена обеими руками трёт лоб.

– Спасибо вам, Маша! Когда сын сказал мне прилететь в Москву, я и представить не могла, что мне станет настолько легче. Он ведь с нами почти месяц летом провёл, пока с плечом возился. Так нервничал, что травма играть больше не даст, а тут ещё я со своими переживаниями.

– Ваши чувства очень ценны и важны. Мне кажется, Никита тоже это понимает.

Елена качает головой.

– Не думала, когда рожала, что он у меня такой отличный парень вырастет! Это всё папино воспитание. Просто замечательный дед! Я вообще считаю, что, если у ребёнка есть бабушка с дедушкой, он настоящий счастливчик! Правда ведь?

– Да, всё верно. Боре тоже в этом плане повезло.

– Ваши-то уж точно во внуке души не чают, – улыбается женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.